

ЕЖИ
ДОВНАР

ТЕЛЕПАТИЧЕСКАЯ
СВЯЗЬ

ТРИ ДНЯ
ИЗ ЖИЗНИ
РАБОТНИКА
СРЕДНЕГО
БИЗНЕСА

Ежи Довнар

**Три дня из жизни работника
среднего бизнеса**

«Нордмедиздат»

2016

Довнар Е.

Три дня из жизни работника среднего бизнеса / Е. Довнар —
«Нордмедиздат», 2016

«Все началось со слежки. Охранное предприятие «Барс-Протекшн», предоставляющее услуги в деле охраны офисов и складов, выполняло, кроме этого, и другие услуги, но уже на частной основе, без заключения какого-либо внутреннего договора. Физически никто из сотрудников ни вверенных им офисов, ни складов не охранял – деньги перечислялись за право быть потенциальными клиентами...»

© Довнар Е., 2016
© Нордмедиздат, 2016

Содержание

День первый	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ежи Довнар

Три дня из жизни работника среднего бизнеса

Все началось со слежки. Охранное предприятие «Барс-Протекшн», предоставляющее услуги в деле охраны офисов и складов, выполняло, кроме этого, и другие услуги, но уже на частной основе, без заключения какого-либо внутреннего договора. Физически никто из сотрудников ни вверенных им офисов, ни складов не охранял – деньги перечислялись за право быть потенциальными клиентами «Барс-Протекшн» или, как принято говорить, за «крышу». Его сотрудники нужны были и, действительно, вступали в «игру» только тогда, когда что-нибудь случалось и влекло за собой опасность для деятельности спрятавшихся под эту самую «крышу». А случиться могло разное: «наезд» одной фирмы на другую с вымогательством денег под любым предлогом, даже вымышленным; проверка состояния деятельности налоговыми органами, в том числе и налоговой полицией; кража имущества со взломом и угоном машин; взрыв, поджог и т. д. и т. п. В случае ЧП в милицию никто, конечно, никогда не заявлял: во-первых, потому, что все началось бы с проверки их деятельности, а она в 99 процентов случаев была, как правило, либо с двойной бухгалтерией, либо с незаконно приобретенным товаром, либо вообще без документов, либо проводилась с другими нарушениями, число которых могло значительно превосходить цифру, стоящую рядом со знаком «%». Во-вторых же, милиция, кроме как завести дело под №..., была ни на что другое больше не способна. В-третьих же, она сама боялась криминалитета, в разборки которого можно было случайно попасть. Предприятие «Барс-Протекшн», состоящее из бывших сотрудников КГБ, следственных органов, органов правопорядка и других, оставшихся не у дел или добровольно ушедших по личным причинам из своих «органов», отлично знало специфику деятельности нынешних ТОО, АОЗТ, ООО и прочих фирм и «фирмочек». Оно предоставляло услуги в тех случаях, где должна была действовать милиция с ее расплывшимися подразделениями типа ОМОН, налоговая полиция и другие силовые органы власти. Но создавалось такое впечатление, что все сотрудники этих органов сосредоточились в одном органе, а именно, в дорожной автоинспекции, чтобы, перекрыв своим контролем практически все улицы Петербурга, собирать с нарушителей – а нарушителем можно сделать практически любого водителя – дань в собственный карман. Так вот, в то время, когда силовики «потрошили» на дорогах и шоссе беззащитных автовладельцев, «Барс-Протекшн» аккуратно раз в месяц объезжал вассальные фирмы и собирал по пять тысяч рублей, уверяя при этом в надежности своей «крыши». Лучшим залогом спокойной жизни для работников фирм была безропотная оплата клиентами «услуг» и заверение в отсутствии у них каких-либо «разборок», ибо бояться уже начинали не наездов, а поджарых, спортивного вида молодых людей с ментовским прошлым.

Правда, однажды в офисе на Рижском проспекте раздался звонок. Позвонил директор одной из опекаемых фирм и сказал, что им необходимо установить слежку за одним из своих сотрудников. Есть подозрение, что помимо работы в фирме, этот сотрудник работает «налево», в собственный карман, используя, естественно, служебную информацию и, похоже, имеет сообщников. Требуется проследить все контакты подозреваемого, а также пути его следования в нерабочее время. Желательно составить ежедневный письменный отчет, в котором по часам и минутам были бы зафиксированы все его действия. Проще задания не придумаешь и «Барс-Протекшн» приступил к его выполнению, разумеется, за отдельную плату.

День первый

Юрий Георгиевич, как всегда, проснулся в семь утра. Встал, сделал зарядку и пошел на кухню приготовить что-нибудь на завтрак. Вот уже около полугода как жена стала жаловаться на боли в конечностях, ей становилось все труднее вставать и завтрак Ю.Г. стал готовить себе сам, щадя женино здоровье. Она поднималась с постели после того, как он уходил, и готовила к школе ребят – они шли на занятия к девяти и было им совсем рядом с домом. На работу Ю.Г. добирался на метро с двумя пересадками и там пешком еще минут десять, хотя можно было доезжать и троллейбусом, но этот окаянный «двурогий», как и весь наземный транспорт, ходил нерегулярно и с большими перебоями. Поэтому Ю.Г., как правило, никогда не дожидаясь, повезет или нет, закладывал эти 10–12 минут на дорогу и шел пешком, тем более что это была уже окраина города, совсем рядом с заливом, и можно было хоть немного подышать свежим утренним воздухом, которого всем нам, горожанам, так не хватает. Сотрудники часто задавали недоуменный вопрос: – Что это вы все пешком да пешком? Для чего тогда машину покупали?

И в самом деле, на территории завода, у которого фирма арендовала офисные помещения и склад, стояла новенькая «Волга» 10-й модели, которую Ю.Г. приобрел в Москве по настоятельной рекомендации коллег. Из двенадцати сотрудников фирмы, исключая женщин, почти все приобрели новые машины, благо свободные деньги за первый год деятельности появились у всех, а кому не хватило до четырех с половиной тысяч долларов, взяли в долг у начальника. Он получал вместе с женой 54 % доли заработанной прибыли, а это выливалось порой за месяц в сумму до восьмидесяти тысяч рублей, что позволяло ему открывать кредит. По западным меркам зарплата хорошего преподавателя, для России же – целое состояние. Правда, состояние это на три четверти было незаконным, то есть украденным у государства, ибо отражено оно было в документах либо частично, либо не отражено вообще. Иными словами, клиент платил фактическую сумму за товар и переводил ее на расчетный счет обналичивающей фирмы, зарегистрированной официально в налоговой инспекции за хорошую взятку. Фирма же продающая после прихода денег на счет фирмы обналичивающей получала пакет документов с печатями и реквизитами, который вручался для отчета покупателю. Ему было, собственно говоря, без разницы, на какой счет «сбрасывать» деньги, на счет фирмы-продавца или на счет ее «дочернего филиала», как это объяснялось по телефону, главное, был бы товар качественный и поставлен или отгружен в срок, и документы чтоб в порядке. Счета же, фактуры и накладные фирмы-продавца готовились, как правило, в конце месяца и представляли собой чистейшей воды «липу»; в них отражалась «копеечная» закупка, такая же, с небольшим «наваром» продажа, чтобы налог с продаж и НДС были минимальными, и все это клалось в отчет. Самое же главное событие было, когда представитель обналичивающей фирмы привозил деньги, тот самый «черный нал», который успешно и безнаказанно циркулировал и циркулирует по тайным артериям так называемого теневого рынка. Деятельность, надо прямо сказать, была криминальной и «тряслись» все, правда, в большей степени главный бухгалтер и начальник, как лица, чьи подписи на любом документе стоят первыми. Остальные меньше, поскольку им, поочередно, приходилось подписывать, в основном, расходные ордера за деньги, взятые якобы под отчет «на закупку товара». Никто не отказывался, поскольку действовали таким образом практически все без исключения фирмы, да и потом солидарность не позволяла поступать иначе. Если кто-то хотел получать свои законно заработанные деньги и не более того, тому советовали уходить в фирму, которая работает честно, и получать там свою фиксированную зарплату, – здесь же все работали за проценты и никто не жаловался. Вот чего боялись все, так это плановой, а еще больше неплановой, проверки, с которой рано или поздно должны были нагреть инспектора. Неплановой больше

потому, что она могла оказаться внезапной и застать всех врасплох. Ничего ведь не стоило кому-нибудь из недругов или просто конкурирующей фирме «капнуть» в налоговую инспекцию или «навести» полицию, сочинив вполне правдоподобную историю о якобы имевшей место сделке с хищением, или что-нибудь в этом роде, тем более что это соответствовало истине – ведь добрая половина склада была если не ворованной, то скупленной за бесценок. И имевшие отношение на заводах и предприятиях к так называемым «неликвидам», и желавшие заработать на бывшем государственном товаре, продавали его направо и налево, проводя реализацию по ценам какого-нибудь 1966 года, а наличную разницу, по договоренности, кладя себе в карман. А если учесть, что некоторые, особенно ведущие и работавшие на армию предприятия были по уши забиты теперь уже не востребуемыми госпредприятиями «неликвидами» и комплектующими изделиями, то торговля со складов могла растянуться на несколько лет и обеспечить таким образом безбедное существование его руководителям. В коммерческой же фирме такой неликвидный товар становился тут же ликвидным, порой даже дефицитным, и цена его зачастую возрастала в сто и более раз.

Вот в одной из таких фирм и работал Ю.Г. и торопился в эти утренние часы именно туда. Рабочая атмосфера в фирме была в высшей степени порядочной, даже дружеской. Выручали друг друга, поддерживали, по-братски делили пищевые продукты, которые удавалось довольно часто получать на бартер за проданный товар. Когда разрубали мясо, например, следили, чтобы каждому доставалось пропорциональное количество мякоти и костей. Никогда друг друга не обманывали, ни в личном плане, ни что касается работы. Обманывали только государство, причем, все вместе и это было нормой существования и конца 90-х годов да и, наверно, всей истории Государства Российского. А все потому, что государство с момента его возникновения почем зря обманывало подданных своих, вот и получался этакий замкнутый круг, в который разве что не вписывался временной сектор протяженностью в семьдесят лет, поскольку в советское время со стороны государства существовал обман иного рода. Ю.Г. не то, чтобы был против всего этого, его детские и юношеские годы, прошли в послевоенном западноукраинском городе Львове, где атмосфера и привычки еще той, старой Польши с ее галицийскими особенностями учили не брезговать тем, что плохо лежит. Однако, статус интеллигентного человека, каковым считал себя Георгич – так обращались к нему все на работе – да и каковым он являлся на самом деле, не позволял ему опускаться до уровня мелкого обманщика. Впрочем, в прямом смысле обманом, тем более уже воровством, такую деятельность фирмы никак нельзя было назвать. Ну, в самом деле, за всем этим стоят тяжелый труд по поиску товара, его приобретению, транспортировке на склад, затем мозговая атака на клиента с тем, чтобы он приобрел товар, и после всего этого отдай государству половину (в лучшем случае!) заработанного. Причем, чем самоотверженнее и слаженнее работают все звенья торгового механизма и, соответственно, больше прибыль, тем больше приходится отдавать. Где же тут справедливость или хотя бы стимул? Ну, а кроме всего прочего деньги, участвующие в сделках, не государственные. Можно, конечно, отправиться в экскурс по налагаобложению в Древний Рим, Грецию или даже Иудею и успокоить себя тем, что мытники, фискалы, таможенники и прочие «враги» свободной торговли и предпринимательства существовали уже в те далекие от нас времена и так же, как и сегодня, торговцы и предприниматели всеми правдами и неправдами отвоевывали у них лишний грош для себя. Но, скажите, становится ли от этого легче? Георгичу, да и всем прочим, легче не становилось, хотя жаловаться на заработки было бы грешно. Особенно нелегко приходилось главному бухгалтеру, Ирине Петровне, пухленькой блондинке тридцати пяти лет с детским голосом, которая целыми днями сидела над отчетами и что-то там «химичила». Последние дни месяца и, особенно, квартала, когда надо было сдавать отчет в налоговой инспекции, было для нее хуже, чем для студента семестровые экзамены. Квартальный отчет был своего рода явкой с повинной к следователю. Возможно, налоговый инспектор все понимал,

возможно, на что-то закрывал глаза, возможно, была установка особо «не копать» до поры до времени под тех, кто занимается малым и средним бизнесом и, в сущности, оборачивает не столь уж огромными суммами. Во всяком случае квартальные отчеты и годовой баланс Ирина Петровна сдавала с первого захода, хотя возвращалась после этой процедуры вся красная и усталая. Георгич сочувствовал ей, поскольку был не совсем равнодушен к упитанным, блондинистого цвета женщинам и к И.П. в частности, хотя знал один ее «грешок». Ко дню ее рождения он сочинил поздравительные стихи, которые сочинял, кстати, для всех сотрудников, так как в последнее время увлекался бардовским творчеством, да и вообще в прошлом был профессиональным эстрадным артистом:

Ирина Петровна – главный бухгалтер
Светлые волосы, честный характер
Цифры считает не только в уме,
Но очень может быть даже во сне.
Дьявол попутал родителей Иры
В юмора день, а быть может сатиры
Пухлый ребенок явился на свет
В час, когда был перерыв на обед
Впрочем, могу ошибаться заранее
Час мог родильным быть в этом же здании
И крик ребенка среди тишины
Маму порадовал в день Сатаны
Чертова дюжина, Дама бубновая
В этом спектакле цена демпинговая
Будь кем угодно, хоть бабой Ягой
Только, пожалуйста, не Сатаной.

Вот и сейчас И.П. и электрические двигатели, которыми торговала фирма, в мыслях Георгича попеременно менялись местами. Он шел быстрой походкой по знакомому до «наизусть» маршруту, где узнаваем был каждый выступающий из земли камень, и уже сворачивал на тропинку лесо-парковой зоны, когда услышал у себя за спиной звук автомобильного сигнала. Очень часто машина с едущим на работу директором останавливалась, когда встречался по пути кто-либо из сотрудников, и подбирала его. Так было и на этот раз.

– Общее здравствуйте всем, а Викторычу персонально – произнес Георгич, садясь на заднее сиденье.

Викторыч – директор, ему сорок восемь лет и обращаться друг к другу по-отчеству, в такой чисто российской манере, предложил он же еще на заре становления фирмы, когда у ее истоков – а это было два года тому назад, в 1988 году – стояли трое: сам Викторыч, Георгич и Андреич, с которым знакомство еще впереди. Во-первых, такое обращение выражает почтительность, во-вторых, подчеркивает дружбу – в служебном ее понимании – тех, кто начинал дело и, в-третьих, просто удобно в работе.

– Георгич, ты помнишь, сегодня ответственный день, вы едете с Андреичем на «Невский»?

– Конечно, прямо сейчас звоню Татьяне Николаевне, она должна быть на месте, как договорено, и если там все в порядке с вывозом и с охраной, – садимся в машину и вперед. Кстати, деньги ты взял?

– Да, семь тысяч, как ты сказал.

Деньги хранились у Викторыча дома и когда нужна была сумма покрупнее на текущие закупки, он их с собой привозил, более мелкие деньги хранились у секретарши, которая

выполняла функции кассира. Вообще, если бы можно было держать все деньги у себя, он бы их держал, ибо обладал поистине патологической жадностью, уровень которой во много раз превосходил бережливость и разумную достаточность. А еще он обладал талантом организатора и стратега на нашем, среднем, уровне предпринимательства, великолепно выстраивая тактику действий в каждом конкретном случае. Интуитивно чувствовал, что из себя представляет тот или иной человек и, в общем-то, собрал дееспособную, хотя может быть не до конца профессиональную команду. Был немногословен, угрюм и лучшим своим другом, советчиком и сотрудником считал компьютер, за которым мог просиживать сутками. Знал его досконально, мог работать в разных программах и обладал, возможно, именно поэтому феноменальной памятью. А еще Викторыч был патологическим алкоголиком если, вообще, алкоголики бывают не патологические, и в нем, как в кривом зеркале, отражалась чисто российская взаимосвязь таланта с водкой. Причем, в данном случае эта связь, опровергая все научные и медицинские утверждения, была какой-то особенной: чем больше и дольше он пил, тем более светлые и едва ли не гениальные идеи приходили ему в голову. Вначале всем казалось, что это бред какой-то, но со временем стали убеждаться, что идеи эти, действительно, были здоровыми. Правда, логика этих идей была какой-то иной поначалу, кажущейся сотрудникам антилогикой, но время показывало, что была это, по всей видимости, какая-то сверхлогика, постижимая только Викторычем и его компьютером. И как показывал результат, внедрение этих идей всегда давало положительный результат. Ошибки были только тогда, когда целесообразность идеи сталкивалась с его жадностью и вот тут побеждала последняя.

Выходцем Викторыч был из военно-инженерной среды, которая в советские годы давала и хорошее, фундаментальное образование и умение хранить как знания, так и военные секреты, связанные с применением этих знаний, в собственной голове и только там, и, конечно же, преданность долгу и Отчизне. Предпоследнее десятилетие, с 1980 по 90 годы он служил в секретном производстве, занимавшемся установкой электрического и электронного оборудования на подводных лодках. Участвовал даже – косвенно, правда, – в разработке и осуществлении проекта модели К-141, сверхсовременной атомной подводной лодки, которых, как совершенно случайно в результате непонятной откровенности он нам сообщил – было произведено десять единиц, в том числе атомоход «Курск». Вот где он приобрел предпринимательские навыки, оставалось загадкой, хотя многое в предпринимательском деле определяется здравым смыслом и жизненным опытом. Может, отсюда и были у него эти самые навыки. Что касается его взглядов и политической ориентации, то никакие перестройки и демократические преобразования не поколебали идейных убеждений Викторыча и он оставался верным ленинцем и приверженцем коммунистических идей. Обманывал же государство потому, что, во-первых, был неопишимо жаден, а, во-вторых, это новое государство не считал соответствующим своим нормам и морали. Однако, своих взглядов никому не навязывал, но когда заходил спор по поводу каких-либо вопросов, связанных с текущими событиями в стране, – оставался на своей точке зрения непоколебимым и говорил, что только коммунисты правы. Трудно, практически невозможно было определить, как он к кому относился. Можно было сказать, что ко всем одинаково хорошо и так же можно было согласиться с тем, что ко всем одинаково плохо, учитывая его угрюмый характер, отсутствие чувства юмора и, что очень важно, самоиронии и, наконец, жуткой, доходящей до патологии, подозрительности ко всем и ко всему. Из-за последней часто оказывался собственной жертвой, как хитрый человек, про которого говорят, что он настолько хитер, что готов перехитрить самого себя. С Георгием их объединяло пятилетнее знакомство, когда тот, работая еще начинающим, несмотря на свой пятидесятилетний возраст, менеджером в польско-российском совместном предприятии, проходил практику по информатике у Викторыча, а, точнее, просто осваивал компьютер с его помощью. Затем прошли годы, то предприятие развали-

лось, появилось новое, Викторыч открыл свое и вот однажды раздался телефонный звонок от него с приглашением перейти в его организацию. После недели раздумий Георгич принял приглашение и стал верой и правдой служить новой фирме, ибо был таким человеком: ответственным, дисциплинированным, совестливым. Пока не было еще подъемного оборудования и рабочих, таскал на собственном горбу электродвигатели, вес которых очень часто превышал разумно допустимые физические возможности человека. Когда надо было срочно обзванивать клиентов, делал это по вечерам из дома. Когда надо было куда-нибудь ехать, где требовалась осмотрительность, разговор в пользу фирмы или иного рода сообразительность, Викторыч посылал его. И Георгич никогда не отказывался и совсем не потому, что «на нем можно было воду возить», а, скорее, осознавая, что лучше не сделает никто, а фирме надо зарабатывать деньги, причем, на всех. Вот и сегодня намечалось «дело» – по другому и не назовешь его – когда предстояло вывезти с крупного, охраняемого предприятия фактивно, по подложным документам очень мощный и дорогостоящий двигатель. Эта операция возлагалась на Андреича, который был заодно и водителем микроавтобуса, и на Георгича, который, выражаясь юридическим языком, был подельником.

– Слушай, Викторыч – машина уже подъезжала к зданию, где находился офис, – забыл тебя спросить, сегодня мы кого-то отмечаем, так ведь?

– Обязательно. Хорошо, что напомнил. Не забыть бы купить цветы и подарок. Кстати, будете возвращаться с «Невского», купите по дороге. Впрочем, ладно, я куплю сам – Викторыч испугался, как бы мы не запросили с него лишние деньги за покупку, поэтому взял эту операцию на себя – он всегда так делал.

– Как знаешь, хотя мне ничего не стоит. Я так понял, что сегодня чествуем Лену?

– Точно – они уже поднимались по лестнице на второй этаж, где располагались три, нет, даже четыре комнаты фирмы и уже слышны были голоса сотрудников.

– О, привет, Георгич!

– Здравствуйте всем!

– Доброе утро!

– Утро доброе и, особенно той, которая сегодня..., скажем так, пришла на свет.

– Да, будет вам, Юрий Георгиевич. Вы, как всегда, вводите меня в краску.

– А это потому, что ты упорно не хочешь пользоваться косметикой. И правильно делаешь, с твоей молодостью и красотой это ни к чему.

Насчет молодости Георгич был прав, а вот красотой Леночка не блистала и еще ее очень портил речевой дефект, когда вместо «р» она произносила нечто среднее между «в» и «л» и получался этакий воздушный шлепок губами. Наверно, поэтому на нее совершенно не обращали внимания мужчины, как впрочем, и она на них, что, видимо, было связано с ее сексуальной ориентацией. Она нашла любовь в лице Ирины Петровны, которая была падка до женщин и, почувствовав в Леночке девственное начало, несмотря на ее тридцать три года, загорелась пламенным чувством к ней. Они всячески старались скрывать эту связь, но в дружном и тесно спаянном коллективе что-либо скрыть практически невозможно, разве что вокруг наивные дураки, которые не понимают, что такое вообще существует. По поводу наивных дураков, если не сказать хуже, Георгич вспомнил анекдот:

– Свежий анекдот, хотите? Встречаются два отца на улице, один говорит другому: «Подходит ко мне вчера сын и спрашивает – папка, откуда берутся дети? – Правильно – перебивает слушающий, они сейчас рано начинают этим вопросом интересоваться. – Ну, да, рано, мой сын уже пять лет, как женат». Андреич, заводи мотор, поехали.

– Прямо так сразу? Георгич, дай немного отдышаться.

– У нас мало времени и потом, надо же успеть на чествование. Ты ж не захочешь стоять за дверью, так как все места в «гостиной» будут заняты своими и приглашенными лицами, да так, что яблоку негде будет упасть? Я правильно говорю, Леночка?

– Правильно, только никаких приглашенных лиц не будет. И яблок тоже.

– Обиделась?

– Нет.

– И правильно сделала, потому что все мы тебя любим и опаздывать на твой праздник не собираемся. Андреич, поехали, поехали, поехали...

Через минуту они уже внизу, а еще через пару уже мчатся в стареньком микроавтобусе «Фольксваген», переделанном на грузопассажирский, по улицам города навстречу авантюре, которая, в случае удачи, принесет хорошие деньги, в случае же неудачи... Впрочем, не хотелось бы, чтобы совершился этот «неуд», хотя рискуют обе стороны и знают, что в ее случае статья о хищении по подложным документам с вытекающими из нее последствиями обеспечена. И идут на это эти обе стороны только потому, что другим, честным способом, увы, достойных денег в этой стране не заработаешь, во-вторых же, где-то глубоко каждый понимает, что имущество-то теперь уже не является государственным, оно принадлежит акционерному обществу, так что как бы получается у самого себя. И, в-третьих, понимание того, что в правоохранительных органах и судопроизводстве, где тоже на одну государственную зарплату сейчас не проживешь, – полнейший бардак – несколько успокаивает и не дает сердцу биться с удвоенной скоростью.

И вот они у проходной бывшего гигантского завода, являвшегося гордостью советской и ленинградской тяжелой промышленности, на «совести» которого мощные турбины, работавшие и работающие на гидроэлектростанциях многих стран мира, прецессионное оборудование, части и узлы подводных лодок, танков и так далее и тому подобное. Звонок по служебному телефону Татьяне Николаевне.

– Да, да, это вы – я поняла. Подъезжайте к транспортной проходной и оформляйте въезд, заявка на вас лежит там со вчерашнего дня. Потом подниметесь ко мне, куда – вы знаете.

– Да, конечно, красное кирпичное здание на территории слева от памятника, третий этаж.

– Совершенно верно. Жду.

Долгое оформление документов на проходной, выяснение, кто въезжающий, кто сопровождающий, проверка содержимого автобуса и, наконец, они на территории завода. Подъезжают к зданию администрации, поднимаются на третий этаж. Их встречает Татьяна Николаевна, на левой щеке которой улыбка от предвкушения ожидаемых и, возможно, мысленно уже потраченных денег, на правой же – тревога по поводу предстоящей операции. А смысл ее заключается в том, что в накладных и в документах на продажу значится, как покупатель, липовая фирма, печать которой, а очень часто печати нескольких таких имеются в любой «уважающей» себя фирме. Там же указана марка двигателя, значительно менее мощного и, соответственно, меньшего по размерам, за который заплачена его подлинная продажная стоимость. Оставшуюся сумму до семи тысяч, как и было договорено, получает Т.Н., что называется «на лапу» и затем уже делит с подписывающими документы в установленной ими пропорции. По этим документам фактически вывозится значительно более мощный и, соответственно, более дорогостоящий двигатель, на котором перебит шильдик, то есть металлическая пластинка с обозначением марки, электротехнических характеристик и других его параметров. Охранники в техническом отношении, как правило, люди темные. К тому же плохо, а зачастую и вообще не знающие номенклатуру охраняемого ими объекта. Им главное, чтобы то, что написано на бумаге, соответствовало тому, что написано на товаре, и, самое главное, чтобы одна штука, вписанная в графу «количество», соответствовала одной штуке, стоящей в кузове автомобиля. В данном случае одно другому соответствовало. Но оставалось «а если вдруг...». Вот от этого «а если вдруг» и подергивалась правая щека Т.Н., а у Ю.Г. и С.А. посасывало под ложечкой, а, точнее, в районе солнечного сплетения. Распла-

тились с Т.Н. на лестничной площадке, в темном углу коридора и взяли у нее документы на выезд. В кабинете она не рискнула брать деньги – вдруг кто-нибудь зайдет.

– Если не дай бог на проходной случится какое-нибудь недоразумение, говорите, едем обратно для выяснения без каких-либо споров и, тем более, доказательств своей правоты да еще с криком. Скажите, так нам выписали, мы расплатились, ничего больше не знаем. И немедленно ко мне. Если же все пройдет гладко, позвоните по мобильному, и ничего лишнего, потому как, черт его знает, могут и прослушивать.

– Все знаем, Татьяна Николаевна, будем надеяться на благополучный исход дела и позвоним обязательно.

– Впрочем, я и так пойму. Если в течение часа звонка не будет, значит, все прошло гладко, а если вдруг докопаются, – позвонят тут же. Ладно, езжайте под отгрузку, Рая уже ждет вас.

Кладовщица Рая получала крохи от барского стола за умение молчать и выполнять то, что ей велят. Свою же зарплату в размере 850 рублей она не получала уже в течение трех месяцев, охраняя склад, в котором лежали сотни миллионов, если не миллиарды, рублей. Но она не понимала этого, как не понимали миллионы таких же, как и она простых и честных тружеников, воспитанных в той, советской, системе. Даже может быть не столько воспитанных, сколько боящихся ее. Рая взяла документы, сделала запись в журнале, затем в учетной карточке – все, как полагается – и повела гостей в складское помещение, которое находилось на втором этаже и представляло собой широченный коридор со стеллажами длиной в добрых несколько сот метров. Электродвигатель с перебитым шильдиком стоял в стороне, готовый к отгрузке, Рядом с ним находился рабочий Сергей, который за перебивку получал двести рублей, Рая же после отгрузки – шоколадку. Они помогли Георгичу с Андреичем сопроводить погрузчик с двигателем до транспортного лифта и тепло попрощались с ними. Во дворе быстро перегрузили товар в автобус и последний направился к проходной. Перед выездом на площадь перед проходной проследили, чтобы попасть в колонну из трех-четырех машин – коллективная проверка всегда лучше, чем индивидуальная – и остановились в указанном охранником месте. Ждать проверки пришлось минут двадцать и уже когда были отданы охраннику выездные документы и тот просмотрел их, – в дежурке раздался телефонный звонок. Георгич ощутил себя в этот момент Штирлицем, который по подложному паспорту вывозит в Швейцарию советскую радистку и на контрольно-пропускном пункте попадает в аналогичную ситуацию. Там его от возможного провала выручает запонка, которая случайно расстегнулась и он просит радистку в этот драматический момент застегнуть ее. У Георгича запонок на рубашке не было, не было рядом и радистки, поэтому все что оставалось делать, так это с бьющимся сердцем ждать окончания телефонного разговора и выхода охранника из будки. Томительное ожидание продлилось минут пять и стоило Георгичу такого же, если не большего, количества седых волос. Как выяснилось, тревога оказалась ложной, хотя самое опасное было еще впереди, когда охранник полез в автобус сличать данные, указанные в документе с тем, что было выбито на товарном знаке, иными словами, на шильдике. Эта процедура длилась минуты три, но стоила Георгичу уже, как минимум, тридцати трех седых волос. Но и здесь все ограничилось лишь усиленным биением сердца и единственной мыслью: только бы не задрожал голос от учащенного дыхания и руки, когда будут забирать накладную. Охранник попался дотошный, можно даже сказать, свирепствующий, а все оттого, что десятью днями раньше с предприятия было вывезено семнадцать тонн электротехнической меди. Правда, кража была раскрыта, установили даже, что кто-то из руководства и охранников был в сговоре и все эти дни работала следственная комиссия налоговой полиции. Чем закончилось, неизвестно, возможно тем, что кто-то из налоговиков вошел в долю и закрыл дело. И вот сегодня, оказывается, первый день, как разрешен отпуск товара. Естественно, что охранники работают с удвоенной бдительностью, хотя зарплата у

них не намного выше, чем у Раи. Когда проверяющий вылез из автобуса, он протянул Георгию накладную, внимательно глядя ему в глаза. Скорее всего, он плохо, а точнее, вообще не разобрался в маркировке электрических двигателей, ибо даже дилетант знает, что число, указанное после букв в марке любого отечественного двигателя, означает его габаритную высоту в миллиметрах и что даже на глаз это поддается определению. Несоответствие было явное, но охранник этого не знал. Он был гораздо лучшим психологом, но и Георгий был не лыком шит, ведь за его плечами как-никак оставался многолетний опыт работы на сцене и этот многолетний опыт научил скрывать волнение в экстремальных ситуациях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.